

УДК 811.161.1'23(470+574)

И. С. Карабулатова, К. К. Койше

ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В статье рассматриваются процессы взаимопроникновения языков в структуре современной евразийской языковой личности, выявляется характер интерференции, ведущий к появлению новых черт в региональном языке российско-казахстанского приграничья.

Ключевые слова: современная евразийская языковая личность, российско-казахстанское приграничие, интерференция, русскоязычная языковая личность.

I. S. Karabulatova, K. K. Koyshe

ABOUT MUTATIONAL NATURE OF CONTEMPORARY EURASIAN LINGUISTIC IDENTITY OF RUSSIAN-KAZAKH BORDER REGION

The article examines the processes of interpenetration of languages in the structure of modern Eurasian linguistic identity, reveals the nature of the interference, leading to the appearance of new features in the regional language of the Russian-Kazakh border areas. We mean the territory of the Russian borderland Tyumen region and the Kazakh border area Northern Kazakhstan. Migration is a multiaspect and complex social-psychological process that begins long before the fact of migration. Russian population of the Tyumen region once assimilated representatives Ugric (Khanty, Mansi, Komi), Turkic (Tatars, Kazakhs), Slavic (Ukrainian, Belarusian). Cossacks, merchants, and just farmers and other service people in Siberia almost every man were married to local women, resulting in any sub-ethnic Russian community, a group of Métis population, anthropologically close to the neighbors. This confusion is reflected in the language of the local population on both sides of the border and among Russian and among Kazakhs and Tatars. Facts Kazakh say that the north-east and other dialects of the Kazakh language borrowed many words from Arabic, Persian, Russian and other languages, even before the formation of the literary language. But for all that each of the dialects assimilates new words in their own way. For example, the Russian word «krovat'»/»bed» sounded «keruert» in the West of Kazakhstan, in the South «keruet», and in the North-East «keruert». We can say that the mutual phenomena arise from both language-contactors in areas of intense inter-ethnic cooperation; it helps in certain conditions of the evolution of both the linguistic identity and language systems in general. It is not that we are seeing only West Siberian Kazakhs under the influence of the Russian environment; the Kazakh language also has a significant impact on both the Russian language of Kazakhs and Tatars and Russian dialects of the Russian-Kazakh border region in the Kazakh region. We find this effect at the level of phonetics, vocabulary, and grammar. We have a complex structure of modern Eurasian multi-conceptual linguistic identity, which is multiaspect in modern palette of sound.

Keywords: modern Eurasian linguistic identity, the Russian-Kazakh border area, interference, the Russian-speaking linguistic identity.

В настоящем исследовании российское приграничье представлено Тюменской областью, казахстанское приграничье – Северным Казахстаном. В ситуации Тюменской области, где первое место среди этносов занимают русские, а второе – татары, это может быть либо русско-татарское, либо татарско-русское двуязычие с характерными этнолингвистическими дифференциациями. Однако чем ближе к российско-казахстанской границе, тем ярче проявляются черты казахско-русского и русско-казахского двуязычия также. Кроме того, мы наблюдаем мощное проникновение языков друг в друга в зоне российско-казахстанского приграничья, что обусловлено исторически.

На сегодняшний день этническую мозаику Тюменской области составляют свыше 150 этносов и субэтносов. Этому способствует и массовые миграции из близлежащих, более слабых в экономическом плане регионов и даже государств. Например, из Казахстана, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Сербии, Азербайджана [4, 13]. Не случайно З. В. Поливара подчеркивает, что в повседневной коммуникации на русском языке мы наблюдаем вариативность употребления звуков под воздействием языков-контактеров, из-за чего этнолингвистические дифференциации русскоязычных билингвов рассматриваются не как явление интерференции, а как речевая патология [19]. В связи с этим возникает вопрос, насколько идеальный образ идеального носителя русского языка соответствует реальному?

Мы понимаем, что миграцию населения невозможно рассматривать лишь как простое механическое передвижение людей из региона в регион или из страны в страну, прежде всего, это полиаспектный и многокомпонентный социально-психологический процесс, начинающийся задолго до самого факта миграции. Этот процесс тесно связан

с закономерностями социального и речевого поведения людей, их деятельностью, обусловленными включением индивидуумов в социальные группы, а также с психологическими особенностями социальной психологии народов.

На стадии адаптации, также как в период формирования и реализации миграционных установок, большую роль играет этнический фактор (этническая миграция предполагает представительство различных национальностей в миграционных потоках), который может быть выражен через так называемый «показатель этнической комфортности». Как отмечает член-корреспондент РАН С. В. Рязанцев, показатель этнической комфортности «представляет собой соотношение объективных (этнический состав, межнациональные отношения, этническое разделение труда, языковая ситуация и проч.) и субъективных этнических составляющих миграции (этническое самосознание, этнические стереотипы, прошлые этнические травмы, стремление на свою этническую родину и пр.)» [22, с. 27].

Необходимо отметить, что русский язык приграничной территории имеет свою специфику, которая связана с тем, что русское население Тюменского региона в свое время ассимилировало представителей угорских (ханты, манси, коми), тюркских (татар, казахов), славянских (украинцев, белорусов) народов. Несмотря на отрицательное отношение православной церкви к бракам с некрещеными, казаки, купцы, да и просто крестьяне и иные служилые люди в Сибири почти поголовно были женаты на местных женщинах, в результате чего возникли русские субэтнические сообщества – группы метисного населения, антропологически близкого народам-соседям [12, 14]. Возникает справедливый вопрос: отразилось ли это смешение на языковой способности? Какое место занимает

в этой связи тюркско-татарская интерференция в русском языке и славяно-русская в коренных тюркских языках в таких метисных группах? Как справедливо отмечают исследователи, в местной речи русских наблюдаются и некоторые особенности произношения, перешедшие из языка-источника: **кыргызы, кыртма, тынгыте, кысы, башкыры**. По мнению М. А. Романовой, употребление **Ы** после заднеязычных **К/Г** внутри слова в русских тюменских говорах усвоено из татарского языка, в котором сочетание **КЫ/ГЫ** широко распространено [21, с. 14]. Языковые особенности жителей Уватского, Тобольского, Нижнетавдинского, Ярковского и Тюменского районов исследователи справедливо относят к вторичным, сложившимся в **XVII – середине XVIII века на базе северновеликорусских говоров (вологодских, вятских, пермских и др.)**.

Не вызывает сомнений, что эти говоры тесно контактировали с тюркскими диалектами, что, в свою очередь, привело к развитию в русских говорах специфических явлений. Нельзя не согласиться с А. А. Биляловой, что «вариантность представляет несомненный интерес для исследователей самых различных уровней и сфер языка; литература по данной теме очень обширна и в то же время противоречива. Обзор исследований в этой области позволил выявить общепризнанные положения относительно сущности, природы, роли, места, выполняемых функций вариантности. Итак, основными направлениями исследований в области вариантности являются: смена вариантов, их конкуренция, классификация, соотношение вариантов и нормы, вариантность и тождество слова, прогнозирующий характер вариантности и др.» [5, с. 11]. Этническая пестрота тюрков Сибири уходит корнями в этническую историю, в которой отражены родственные связи тюрков Сибири с тюрками других регионов.

В работах Х. Ч. Алишиной, Р. А. Вафеева, И. С. Карабулатовой, З. В. Поливары, Д. Г. Тумашевой, Н. К. Фролова и их учеников представлены исследования, характеризующие процессы формирования русскоязычной языковой личности на основе взаимодействия государственного русского языка и родного языка в повседневном речевом общении жителей юга Тюменской области. В то же время переселенческие русские говоры российско-казахстанского приграничья не изучались ни казахстанской, ни российской стороной, что диктует необходимость более тщательного анализа взаимодействия тюрков и славян на указанной территории. Фонетическая система говоров лишь западных поселений Горькой линии на современном этапе развития с прослеживанием истории некоторых фонетических и морфологических явлений была исследована в работах М. К. Кокобаева [18], консонантизм – в работах Б. З. Ахметовой [3]. Население данного региона устойчиво, и носители русских говоров в основном своем составе являются потомками первых переселенцев, пришедших сюда из северных областей России – Вологодской и Пермской.

В такой сложной межэтнической обстановке происходит формирование языкового и речевого поведения как местного тюркского населения, так и прибывающего из стран ближнего зарубежья. По мнению Р. А. Вафеева, в основу двуязычия должен быть положен критерий практики общения, то есть двуязычие – это способность и возможность достижения взаимопонимания между билингвами в процессе производства материальных благ, это реализация общественных функций, которые осуществляются двумя контактирующими языками [8, с. 84]. Факты казахского языка говорят о том, что, как северо-восточный, так и остальные диалекты казахского языка еще до образования литературного языка заимствовали немало слов из арабско-

го, персидского, русского и других языков. Но при всем этом каждый из диалектов по-своему ассимилировал новые слова. Так, например, русское слово «**кровать**» в первое время на западе Казахстана звучало **керуерт**, на юге – **керует**, а на северо-востоке – **кереует**; русское слово «**самовар**» на западе звучало **самауын**, а в южных и северо-восточных областях – **самауыр**; русское слово «**печь**» на западе звучало **беш**, на северо-востоке – **пеш**.

Есть своя специфика в адаптации русских слов и в языке сибирских казахов, проживающих на юге Тюменской области, Курганской и Новосибирской областях: «**тұрба**» от русского «труба» употребляется в двух значениях: 1) труба самовара и 2) печная труба; «**шарып**» – «шарф»; **кіренке** – «крынка»; **күпшін** – «кувшин» и др. Кроме того, встречаются в языке западносибирских казахов и усеченные заимствованные слова: «**зарпылат**» – «зарплата», **мәшін** – «машина», «**оғылоп**» – «оглобля».

Наши наблюдения показывают, что на язык казахов Западной Сибири наряду с литературным русским языком существенное влияние оказали говоры переселенцев более позднего времени. Так, слова **крынка (кіренке)**, **сенник (сенек)**, лист «противень» (**ілес**) – отражают активный процесс взаимодействия с южными говорами.

Влияние русского языка на казахскую речь западносибирских казахов оказалось настолько существенным, что мы наблюдаем замену исконно казахских слов русскими заимствованиями: **борат** «ворота» (вместо қақпа), **істене** «стена» (вместо қабырға), **седелкы** «седелка» (вместо ершік), **кәсек** «косяк» (вместо жақтау), **район** «район» (вместо аудан), **сентір** «центр» (вместо орталық), **мәрқоп** «морковь» (вместо сәбіз), **сібекіле** «свекла» (вместо қызылша), **арбыз** «арбуз» (вместо қырбыз), **гыранат** «гранат»

(вместо анар), **кокраз** «кукуруза» (вместо жүгері), **шылан** «чулан» (вместо ас үй), **шернер** «шарнир» (вместо топса) и др. Интенсивность влияния проявляется в том, что выбор между синонимами идет в пользу русского слова, вернее, слова русского происхождения.

Мы можем сказать, что в зонах интенсивного межэтнического взаимодействия возникают мутуальные явления со стороны обоих языков-контактеров, способствующие при определенных условиях эволюции как самой языковой личности, так и языковых систем в целом. Нельзя сказать, что мы наблюдаем лишь аттрикцию казахского языка западносибирских казахов под влиянием русского окружения, казахский язык также оказывает существенное влияние как на русскую речь казахов и татар, так и на русские говоры российско-казахстанского приграничья в казахстанской зоне. Иными словами, диалектная русская речь оказывает существенное влияние на формирование русскоязычной языковой личности билингва, поскольку является не просто особым типом речевой культуры [9], но и в отдельных случаях – единственным примером живой звучащей русской речи как таковой.

Так, непозиционное оглушение звонких согласных фонетического происхождения в ряде русских говоров на указанной территории развилось в Северном Казахстане под иноязычным влиянием [3]. В речи казахов и татар в словах, заимствованных из русского языка, наблюдалось явление оглушения звонких согласных. Н. К. Фролов в своих работах приводит вогульское (малые народы Сибири) заимствование из русского языка **п'ус'ка** из «бочка» [24].

По-видимому, распространению данного явления могло способствовать тюркское окружение. Наблюдения показывают, что казахи и татары в русской речи постоянно смешивают в фонетически не обусловлен-

ном положении звонкие и глухие согласные: **склатной**, **ношык** (д. Октябрьское), **пыл'и** «были», **друкой** «другой» (дд. Айдарлы, Жамбыл), **нато** «надо», **готу** «году», **б'итный** «бедный» (д. Койбагор), **трутна** «трудно», **тва** «два», **хот'ат** «ходят», **поклату** «покладу» (д. Жумагул), **атна** «одна», **тасв'итан'а** «до свиданья», **кар'ит** «горит», **латом** «ладом» (д. Степное), **упрал'и** «убрали», **пал'ит** «болит» (д. Челгаши).

А. С. Аманжолов, В. А. Богородицкий отмечают в казахском и в татарском языках относительно слабую артикуляцию звонких взрывных по сравнению с соответствующими русскими согласными [2, 6].

Интересно и то, что фонетически не обусловленные варианты согласных фонем по звонкости – глухости нами отмечены, главным образом, в русских говорах тех селений, где можно предположить длительное взаимодействие казахского, татарского и русского населения (дд. Койбагор, Челгаши, Карамырза, Суйгенсай, Уйское, Айдарлы, Целинное, Козубай): ... латом м'ет'и // н'есклатно получатса у т'еб'е // сд'ес'а фс'е нас'ии вм'ес'т' и друшно так // а ч'о нама д'ел'ит' // пывало п'ешым помоч' сус'ету // ой кар'ит там в'ит' што – то... / пал'ит по ч'ом ср'а // ус'у разом убрал // од'еша у йих крас'ива... (Закиева А. С., 69 лет, д. Целинное); прос'ил на пол и ушел // разп'итайа фс'а с'ижу // трутно б'ес св'ета // атна и живу // друкой рукой б'ару // (Капкаева К. Г., 72 г., д. Козубай).

Звонкие согласные, преимущественно взрывные, в положении между гласными могут ослабляться до полного исчезновения: д – **нароу**, **буут** (дд. Зареченка, Анновка – 7 чел.); д' – **д'аин'ка** (дд. Носовка, Ксеньевка – 9 чел.), **хоит'** (д. Целинное – 6 чел.); г – **н'е б'еай** (дд. Маршановка, Полтавка – 13 чел.); б – **во штобы то н'е стало** (Пальцева А. Т., д. Карамырза); **баушка** (повсеместно).

Для многих русских говоров российско-казахстанского приграничья с казахстанской стороны характерно смягчение заднеязычных согласных под воздействием предшествующих мягких согласных: **мал'ен'к'о** (д. Белоглинка – 3 чел.), **гор'к'а** (д. Орнекский – 6 чел.), **в'ит'к'а**, **пас'к'а** (д. Пешковское – 10 чел.), **койк'у**, **бойк'а** (д. Победа – 9 чел.). Мы полагаем, что сохранению данного явления в наших говорах способствует соседство с татарским языком. Например, ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в Костанайской области распространено, главным образом, в говорах Карабалыкского района, где можно предположить длительное языковое влияние со стороны татарского населения.

В русской речи татары постоянно смягчают **к** в словах с мягким согласным или передним гласным в предшествующих слогах: **вд'иш'к'а** (д. Победа – 9 чел.), **стул'ик'а**, **халотн'ин'к'а** (д. Саманы – 13 чел.). Ср. также приводимые В. А. Богородицким татарские заимствования из русского языка: «**ч'ар'к'а**», «**ч ашк а**» [6, с. 165].

Территориальное соседство русских и казахов, их экономические и культурные связи, а также тесные бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для лингво-этнической ассимиляции.

Языковые особенности местных тюркских диалектов не могли не способствовать продолжительному сохранению фонетически не обусловленных вариантов согласных фонем **Ф – Х**, **Ф – П**. Система согласных тюменского диалекта татарского языка характеризуется полным отсутствием фонемы **Ф**. Эта особенность тюменского диалекта подробно рассмотрена в работах Д. Г. Тумашевой [22], Х. Ч. Алишиной [1], где указывается, что согласный **Ф** в тюменском и тобольском диалектах в арабо-персидских и русских заимствованиях заменяется на **П**:

перма – ферма, **пакир** – нищий «факир», **педерация** – федерация, **прукты** – фрукты и т. д. В свою очередь, произношение слов **патограпы**, **панера** с **П** вместо **Ф** в окружающих старожильческих говорах может быть передачей татарского произношения этих и подобных им слов. Интересно, что и интонационная система татарских говоров нашего региона совпадает с интонационной системой местных русских говоров [21].

Лингвистическая география выделяет, кроме того, островные диалекты, говоры. Например, говор д. Задонка Ишимского района – южнорусский остров, а если быть точнее, то даже украинский, в севернорусском старожильческом окружении [12]. Это тоже служит прекрасным образцом взаимодействия и взаимовлияния языков, но уже с родственной системой, на этом аспекте подробно останавливалась З. В. Поливара [19].

Кроме того, особого внимания заслуживает русская речь тюркоязычных жителей юга Тюменской области, для которой характерно смешение русского и казахского, русского и татарского. Например: **соображай жок** – «несообразительный», **прикол гой** – «шутка» (где гой – усилительная частица казахского языка), **жандыргалка** – «зажигалка» (жандыру «жечь» + зажигалка), **токтановись** – «остановись» (токта «стой» + остановись) и т. п. [4, с. 19]. Это явление не является новацией последнего времени, но может иллюстрировать характер и более раннего обогащения русских говоров Тюменской области на базе тюркских заимствований: **наяцкий** – «красивый» [10, с. 33], **куянистый** – «трусливый», «как заяц» [11, с. 72–86].

Эти и другие факты подтверждают наше предположение о том, что мы имеем дело с инвариантами тюркоязычной языковой личности и славяноязычной языковой личности, которые формируются при прямом и/или опосредованном участии языков-контактеров.

В ситуации русско-казахстанского приграничья тюркоязычная языковая личность, представленная носителями татарского и казахского языков, испытывает мощное влияние русского языка на всех ярусах, при этом сами носители языка могут не осознавать степень воздействия русского языка на их родной язык. Аналогично и русскоязычная языковая личность российско-казахстанского приграничья включает в себя огромный пласт заимствований из тюркских языков, также прослеживаемый на всех языковых уровнях. При этом подразделение на русскую и русскоязычную языковую личность обусловлено следующими параметрами: под русской языковой личностью российско-казахстанского приграничья мы понимаем этнических носителей русского языка, проживающих по обеим сторонам границы; под русскоязычной языковой личностью мы понимаем билингвов, говорящих по-русски, но владеющих в той или иной степени родным языком.

В результате мы имеем сложную мегаконцептуальную структуру современной евразийской языковой личности, которая полиаспектна в современной палитре звучания, поскольку «новое время создает своего человека» [25, с. 262]. Мутационный характер эволюционного развития языков-контактеров обеспечивает плавный переход от тюркоязычной языковой личности к русской языковой личности, где объединяющим звеном является русскоязычная языковая личность, обеспечивающая понимание и межкультурную коммуникацию между такими неблизкородственными языками, как татарский // русский и казахский // русский. Результатом такого эволюционного развития различных типов национальных языковых личностей становится развитая евразийская языковая личность, внутри которой происходит постоянный мирный диалог культур Востока и Запада.

Литература

1. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар: в 2 ч. / Х. Ч. Алишина; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1999.
2. Аманжолов А. С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка / А. С. Аманжолов; Ин-т языкознания КазССР. – Алма-Ата: Галым, 1957. – 368 с.
3. Ахметова Б. З. Речевой портрет носителя просторечий: монография / Б. З. Ахметова; Костанайск. гос. ун-т им. А. Байтурсынова. – Костанай: КГУ им. А. Байтурсынова, 2010. – 248 с.
4. Беженцев Е. В. Специфика функционирования языков в полиэтничном пространстве Тюменской области (на материале русского, татарского, украинского, казахского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Беженцев; Тобольск. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева. – Тобольск, 2011. – 26 с.
5. Билялова А. А. Сопоставительный анализ факультативности как проявления вариативности в разноструктурных языках (на материале татарского, русского и английского языков): научная монография / А. А. Билялова; Камск. гос. инж.-экон. акад. – Набережные Челны: Изд-во Камской гос. инж.-экон. акад., 2007. – 212 с.
6. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В. А. Богородицкий; Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Казань: Изд-во КГУ им. В. И. Ленина, 1953. – 210 с.
7. Вафеев Р. А. Татарско-русское двуязычие и аспекты билингвологии / Р. А. Вафеев; Тобольск. гос. пед. ин-т им. Д. И. Менделеева. – Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2001. – 143 с.
8. Вафеев Р. А. Формирование многоязычия в лингвокультурном пространстве РФ как отражение специфики культуры кочевников / Р. А. Вафеев, И. С. Карабулатова, К. К. Койше // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири: сб. науч. тр. / Евразийск. нац. ун-т им. Л. Гумилева. – Астана: Изд-во «Мастер ПО», 2012. – С. 84–89.
9. Гольдин В. Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 65–66.
10. Данильченко С. М. Тюркизмы в говорах юга Тюменской области // Взаимодействие русского языка с языками коренных поселенцев Урала и Сибири: сб. науч. тр. / Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: ТГУ, 1985. – С. 30–4.
11. Дмитриева Т. Н. Тюркизмы в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Этимологические исследования: сб. науч. тр. / Уральск. гос. ун-т. – Свердловск, 1981. – С. 72–86.
12. Карабулатова И. С. Региональная этнолингвистика: Современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии) / И. С. Карабулатова; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. – 198 с.
13. Карабулатова И. С. Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья / И. С. Карабулатова, Е. В. Беженцев, К. К. Койше; Тюменск. област. дума; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 148 с.
14. Карабулатова И. С., Поливарова З. В. Этнопсихолингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17–1. – С. 95–100.
15. Карабулатова И. С. Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 16. – С. 77–85.

16. Карабулатова И. С., Хайретдинова А. М. Специфика функционирования номинативных единиц этнолингвоинформационного пространства (на материале татарского языка) // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 19–1. – С. 16–22.
17. Койше К. К. Межкультурные взаимодействия казахов: исторические и демографические аспекты // Материалы международной научно-технической конференции, посвященной году России в Казахстане «Теория и практика исследования процессов рыночных преобразований в странах ближнего зарубежья» / Павлодар. гос. ун-т, Тюмен. гос. нефтегазов. ун-т. – Тюмень; Павлодар, 2004. – С. 161–162.
18. Кокобаев М. К. Говор западных поселений Горькой линии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. К. Кокобаев; Ин-т языкознания КазССР. – Алма-Ата, 1965. – 296 с.
19. Поливара З. В. Психолингвистический анализ речевых дисфункций у детей разных этнических групп Тюменского Севера // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 45-летию факультета иностранных языков Кокшетауского гос. ун-та им. Ш. Ш. Уалиханова «Искусство изучать языки». Кокшетау, 29 февраля 2008. – Кокшетау: КГУ, 2008. – С. 211–215.
20. Поливара З. В. Этнолингвистические дифференциации в формировании лексико-грамматических категорий у татар-билингвов и русских в системе преодоления речевых дисфункций (на материале Тюменской области): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З. В. Поливара; Тобольск. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева. – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2011. – 49 с.
21. Романова М. А. Субстратные фонетические явления тюркского происхождения в русских говорах Тюменской области // Русский язык в его взаимодействии с другими языками: сб. науч. тр. / под ред. Н. К. Фролова. – Тюмень, 1988. – С. 54–62.
22. Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции / С. В. Рязанцев; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь: Ставропол. книж. изд-во, 2001. – 544 с.
23. Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар: в 2 ч. / Д. Г. Тумашева; Казанск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Казань: КГУ им. В. И. Ленина, 1968.
24. Фролов Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья / Н. К. Фролов; Тюменск. гос. ун-т. – Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1996. – С. 168.
25. Шунков А. В. Мифологема пути в романе Николы Инджова «По следам норвежца» / А. В. Шунков, Е. А. Мироненко // *Homo communicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации* / под ред. Кристины Янашек, Йоланты Митурской-Бояновской, Александра Шункова, Барбары Родзевич; Щецин. ун-т. – Щецин: Grafform, 2012. – С. 259–267.

Literature

1. Alishina N. Ch. Onomasticon Siberian Tatars: in 2 p. / N. Ch. Alishina; Tyumen. State. Univ. – Tyumen: Publishing House of the Tyumen. State. University Press, 1999.
2. Amanzholov A S. Questions dialectology and history of the Kazakh language / A. S. Amanzholov; Institute of Linguistics of the Kazakh SSR. – Alma-Ata: Galim, 1957. – 368 p.
3. Akhmetova B. Z. Verbal portrait media parlance: Paper / B. Z. Ahmetova; Kostanay. State. Univ. A. Baitursynov. – Kostanay: KSU them. A. Baitursynov, 2010. – 248 p.
4. Bezhentsev E. V. The specifics of the languages in a multiethnic area of the Tyumen region (based on Russian, Tatar, Ukrainian, Kazakh languages): synopsis of the PhD / E. V. Bezhentsev; Tobolsk. State. Social-ped. Acad. Mendeleev. – Tobolsk, 2011. – 26 p.
5. Bilyalova A. A. Comparative analysis of optionality as manifestations of structural variation in the different languages (on the basis of the Tatar, Russian and English): research monograph / A. A. Bilyalova; Kamsky. Educat. engineer-Econ. Acad. – Naberezhnye Chelny: Publishing House of the Kama govt. engineer-Econ. Acad., 2007. – 212 p.

6. Bogoroditsky V. A. Introduction to Linguistics in Tartar with other Turkic languages / V. A. Bogoroditsky; Kazan. State Uni named V. I. Lenin. – Kazan: Publishing KSU named. V. I. Lenin, 1953. – 210 p.
7. Vafeyev R. A. Tatar-Russian bilingualism and aspects bilinguality / R. A. Vafeyev; Tobolsk. State. ped. inst. Mendeleev. – Tobolsk: TSPI Mendelejev, 2001. – 143 p.
8. Vafeyev R. A. Formation of multilingualism in Lingua-cultural space as a reflection of the specific Russian culture of nomads / R. A. Vafeyev, I. S. Karabulatova, K. K. Koyshe // Problems of the ethnic history of the Turkic population of Western Siberia: a collection of scientific papers. The Eurasian. nat. Univ L. Gumilev name. – Astana: Publishing House «Master software», 2012. – P. 84–89.
9. Goldin V. E. The development of Russian dialect speech as a special type of speech culture // Historical Destiny and Present: International Congress of Russian Language Researchers. – Moscow: Moscow State University Press, 2001. – P. 65–66.
10. Danilchenkova S. M. Turkism in the dialects of the south of the Tyumen region // Interaction of the Russian language with the languages of the indigenous settlers of the Urals and Siberia: Collection of scientific works / Tyumen State University. – Tyumen: TSU, 1985. – P. 30–34.
11. Dmitrieva T. N. Turkism in Russian dialects along the lower reaches of the Irtysh // Etymological research: Collection of scientific works / Ural State University – Sverdlovsk, 1981. – P. 72–86.
12. Karabulatova I. S. Regional ethnolinguistics: Modern ethno-linguistic situation in the Tyumen region (based on toponymy) / I. S. Karabulatova; Tyumen State University. – Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2001. – 198 p.
13. Karabulatova I. S. Tyumen region – Kazakhstan: state specific ethno-linguistic policy in the borderland / I. S. Karabulatova, E. V. Bezhentsev, K. K. Koyshe; Tyumen regional Duma; Tyumen State University. – Tyumen: Vector Book, 2010. – 148 p.
14. Karabulatova I. S., Polivara Z. V. Jetnopsiholingvokorrekcionnyj podhod k processu usvoenija leksiko-grammaticeskikh kategorij russkogo jazyka u tatar-bilingvov starshego doshkol'nogo vozrasta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17 – 1. – S. 95–100.
15. Karabulatova I. S. Jazykovaja lichnost' v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 16. – P. 77–85.
16. Karabulatova I. S., Hajretidinova A. M. Specifika funkcionirovanija nominativnyh edinic jetnolingvoinformacionnogo prostranstva (na materiale tatarskogo jazyka) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 19–1. – S. 16–22.
17. Koyshe K. K. Intercultural interaction Kazakhs: historical and demographic aspects // International scientific conference on the Year of Russia in Kazakhstan «Theory and Practice of the investigation of market reforms in the near abroad» / Pavlodar State University, Tyumen State Oil and Gas University. – Tyumen; Pavlodar, 2004. – P. 161–162.
18. Kokobaev M. K. Says a Western settlements Bitter line: Dissertation of the PhD / M. K. Kokobaev; Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. – Alma-Ata, 1965. – 296 p.
19. Polivara Z. V. Psycholinguistic analysis of speech dysfunction in children of different ethnic groups in the Tyumen North // International scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Foreign Languages Kokshetau State University Shokan Ualihanov «The Art of learning languages». Kokshetau, 29 Febrary 2008. – Kokshetau: KSU, 2008. – P. 211–215.

20. Polivara Z. V. Ethnolinguistic differentiation in the formation of lexical and grammatical categories of the Tatars and Russian bilingual system in overcoming speech dysfunction (on the basis of the Tyumen region): Ph. D. thesis abstract / Z. V. Polivara; Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named Mendeleev. – Tobolsk: TSSPA Mendeleev, 2011. – 49 p.
21. Romanova M. A. Substrate phonetic phenomena of Turkish origin in the Russian dialects of the Tyumen region // Russian language in its interaction with other languages: Collection of scientific works Edited N. K. Frolov. – Tyumen, 1988. – P. 54–62.
22. Ryazantsev S. V. The impact of migration on social and economic development in Europe: Current Trends / S. V. Ryazantsev; Stavropol State University. – Stavropol: Stavropol Book Publishers, 2001. – 544 p.
23. Tumasheva D. G. Language Siberian Tatars: in 2 p. / D. G. Tumasheva; Kazan State University named V. I. Lenin. – Kazan: Kazan State University named V. I. Lenin, 1968.
24. Frolov N. K. Semantics and morphemics Russian toponymy Tyumen Ob / N. K. Frolov; Tyumen State University. – Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 1996. – P. 168.
25. Shunkov A. V. Mythologeme novel way to Nicola Indzhov «Following the Norwegian» / A. Shunkov, E. A. Mironenko // Homo communicans II: The Man in the space of intercultural communication / ed. Christina Yanashek, Jolanta Miturska-Boyanovska, Alexander Shunkov, Barbara Rodzevich; Schetsin. un-t. – Szczecin: Grafform, 2012. – P. 259–267.